

Москва, Крайстчёрч, Лондон – и весь мир...

Александр ИВАШКИН – известный виолончелист, концертующий по всему миру, и не менее известный исследователь современной музыки, доктор искусствоведения, профессор, пропагандист русской отечественной классики и современной музыки за рубежом. В последние годы живет в Англии. Однако часто выступает с концертами в России. Его интервью во многом продолжает дискуссию о современной музыке, идущую на страницах "Культуры" уже более полугода.

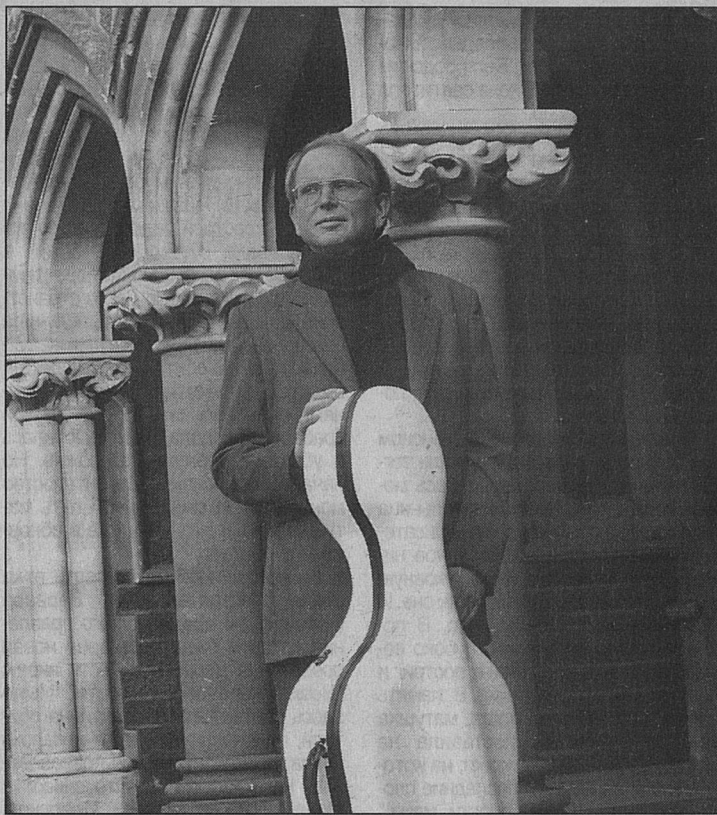
– Александр Васильевич, как виолончель стала совмещаться с музыкальной наукой и когда пришло увлечение современной музыкой?

– Моя карьера сложилась, можно сказать, случайно. Родители к музыке отношения не имели. Мне в юности очень хотелось играть на рояле, но в Гнесинской музыкальной школе-семилетке предложили сначала скрипку (я ее почему-то ненавидел), затем виолончель. Учился, впрочем, так себе, классе в 3 – 4-м меня даже хотели из школы выгнать. В десятилетке (следующий этап обучения) хорошо успевал по фортепиано и снова плохо – по виолончели. По счастью, произошла встреча с Ростроповичем. Родители повели меня, десятилетнего, к нему на консультацию; спросили, как спрашивают у врача: стоит ли мальчику заниматься музыкой или нет? И хотя я сыграл, как обычно, скверно на виолончели и очень прилично на рояле, Мстислав Леопольдович вынес вердикт: "Виолончель!" С тех пор я стал относиться к этому инструменту серьезнее. А музыковедение возникло позже, в Гнесинском институте: мне захотелось совмещать две профессии.

Потом я попал в оркестр Большого театра. Проработал там двадцать лет. Играл также в камерном ансамбле солистов оркестра, который возглавлял дирижер Александр Лазарев. Ансамбль исполнял произведения современных авторов, в том числе Альфреда Шнитке, с которыми мы вскоре подружились. Во многом благодаря этой дружбе современная музыка стала делом моей жизни.

– На концерте в Светлановском зале вас объявили: "Александр Ивашкин – Великобритания!"

– Да, у меня с недавних пор есть гражданство этой страны. А уезжал я в начале 90-х, когда многие музыканты покидали Россию в поиске лучшей стабильности. Я попал в достаточно экзотическую страну – в Новую Зеландию. Проработал восемь лет в Крайстчёрче – мы с женой преподавали виолончель в местном университете. У нас были талантливые ученики. Мы даже основали там виолончельный конкурс, который проводится до сих пор и стал одним из наиболее известных во всем мире. Я вообще считаю, что Новая Зеландия и Австралия дадут нам будущее направление развития музыкальной

А.Ивашкин

культуры. Там очень интересные композиторские школы. С 1999 года живу в Лондоне. Заведую факультетом исполнительства Лондонского университета и являюсь директором Центра русской музыки – он тоже при университете. У нас хранится архив Прокофьева, большая часть архива Шнитке. По линии центра мы делаем многое: проводим научные конференции, организуем большие фестивали русской музыки. Мы проводили в последние годы фестивали музыки Шнитке, Губайдулиной, Щедрина.

– Насколько интересно для вас поколение российских композиторов последней четверти ушедшего века – Корндорф, Екимовский, Вустин, Тарнопольский, Фарадж Караев?

– Мы люди одного возраста, все они мои друзья, я с ними всеми сотрудничал. Тарнопольский, например, посвятил мне свою Хоральную прелюдию еще тогда, когда я работал в Большом театре. Совсем недавно – в ноябре прошлого года – я играл Караева: это была премьера его новой композиции "Ist es genug?" ("Достаточно ли?") – коллаж, смонтированный на основе фрагментов его разных сочинений, практически, виолончельный концерт. Другой концерт – Александра Вустина – я недавно сыграл на фестивале в Нижнем Новгороде. Собираюсь исполнить концерт Александра Раскатова... Эта композиторская команда, на мой взгляд, талантлива и самобытна. Крупнейшей фигурой среди них был покойный, к сожалению, Николай Корн-

дорф, музыку которого я часто играю. Из тех, кто, слава богу, жив и здоров, я не знаю, кто лучший – они все яркие личности. Но у меня рождается другой вопрос: а где более молодые авторы? Последние, с кем я знаком из "молодых", – это Иван Соколов, Загний, Юсупова, Николаев... Но им уже сорок пять!

– Один мой знакомый (известный дирижер) как-то признался: "Я не исполняю ничего новее Прокофьева, Шостаковича, Бартока и раннего Стравинского: боюсь испугать публику диссонансами!" Западного слушателя атональность, полиритмия, кластеры не пугают?

– По тому, что я вижу на своих концертах, могу сказать: нет, не пугают. Тем не менее – к великому моему сожалению – исполнители чаще всего играют (или вынуждены играть) стандартный концертный репертуар. По себе знаю: если приглашают на серию выступлений, то обязательно попросят "Вариации на тему рококо"; если закажут концерт Шумана – это уже приятная неожиданность. У меня сейчас будет тур по Голландии с Вторым виолончельным концертом Шнитке. Произведение их заинтересовало, но потому лишь, что это премьера концерта в стране. Притом что в Голландии и Бельгии репертуарная политика достаточно смелая. В Англии она консервативная, а в США – предельно консервативная. Ничего более сложного, чем Шостакович, там в программу не поставили: "чтобы не испугать публику диссонансами". Правда, есть пять крупных орке-

стров, которые охотно играют любую музыку, но они имеют большой бюджет. Очень помогают пропаганде новой музыки фестивали. Би-би-си, например, каждый год организует большой фестиваль, посвященный какому-то композитору. В этом году им был Джеймс Макмиллан, в прошлом – Джон Адамс, в позапрошлом – Джон Кейдж, четыре года назад – Лючано Берно, пять лет назад – Альфред Шнитке. Эти фестивали идут по уик-эндам, то есть в пятницу, субботу и воскресенье. За три дня по лондонским залам проходит 15, а то и 20 концертов. И все это здорово посещается, народ валом валит! Хотя все транслируется по радио.

– Билеты дорогие?

– Недешевые: от десяти до ста фунтов, а то и дороже.

– Кто посещает эти фестивальные программы? Узкие специалисты? Эстетствующие снобы?

– Ну что вы, вовсе нет! Так называемый средний класс. Приходят с детьми, с семьями. Много студенческой молодежи. Полные аншлаги всегда на Пьера Булеза, одного из самых уважаемых композиторов на Западе. Особенно, если он дирижирует каким-то своим новым сочинением. Есть и совсем новые, но уже очень популярные имена. Например, англичанин Ховард Скэмpton, минималист. Или другой автор – Брайан Фернехоу – представитель модного направления "new complexity music" ("новая сложность").

– Какие, вообще, стили и направления сейчас в моде? Долгие годы господствовал минимализм. Что-то пришло ему на смену?

– Минимализм в какой-то мере остается популярным и сегодня, правда, он сильно коммерциализировался. Замечу, что минимализм американский (Райли, Гласс) и минимализм российский (Мартынов, Корндорф) – вещи совершенно разные. Американский возник на почве этнографических изысканий; русский – на почве философских тенденций начала века (Флоренский, Лосев). Именно таков, на мой взгляд, минимализм Мартынова. Другое весьма распространенное направление связано с компьютерами. Даже нашим студентам в университете мы даем возможность сыграть на экзотическую половину программы "с электроникой" – компьютер сначала записывает, потом как-то трансформирует, перестраивает записанное. И наконец, современная академическая музыка на стыке с этно. Популярна, например, музыка азербайджанки Франгиз Ализаде, основанная на ладах мугамов. Я тоже играю ее произведения. Эти концерты всегда проходят на ура! У нас в университете курс этномызыки вызывает колоссальный интерес. На лекциях нет свободных мест.

Назову имена еще двух сравнительно молодых английских композиторов, чье творчество сейчас активно пропагандируется. Это Томас Эй-

дес и Энтони Тернейдж. Представители некоей "постмодернистской" эстетики – такой, как у Джеймса Макмиллана. Исполнять ее легко, звучание вполне традиционное. Но в целом ярких новаторов в Европе, да и в Штатах сегодня нет. Есть, скорее, в Австралии. Например, Бретт Дин. Недавно я слышал его сочинение, которое называется "Bell and Antbell" ("Колокол и антиколокол"). Это музыка для детского хора и магнитофонной пленки, на которой записано звучание телефона с обрывками разговоров и перезвоны церковных колоколов. Прием обыгрывается: вот прежде были колокола, а теперь наступила эра мобильных. При этом очень красивая музыка. Полагаю, что вскоре Дин станет популярным во всем мире.

– Каково ваше мнение о новых концертных залах Москвы?

– Зал Слободкина просто прекрасен по акустике. И расположение удачное – в самом центре. К сожалению, он невелик – всего 550 мест. Светлановский зал в Доме музыки мне очень ругали. А мне он понравился! Правда, было трудно приспособиться – звучание при полном зале совсем другое, чем при пустом во время репетиций.

– Что касается вашей второй профессии, над какими новыми музыкальными исследованиями работаете?

– Начал писать книгу под названием "После Шостаковича". Русская музыка, начиная от Шнитке и Денисова – до сегодняшних дней.

– Вы специально приехали в Москву, чтобы исполнить Виолончельный концерт Мясковского. Это красивая, благородная музыка, интонационно близкая Скрябину, Лядову, Элгару и, предположим, Сибелиусу. А как же насчет репутации исполнителя ультрасовременных опусов?

– На самом деле я играю очень много классики. В Москве за неделю до Мясковского я сыграл – впервые в России – Виолончельный концерт Брамса. Это оригинальная версия того, что впоследствии стало знаменитым Двойным концертом. Брамс ведь начинал писать его как концерт для виолончели, и сохранились эскизы, по которым недавно был восстановлен первоначальный облик сочинения. Я сыграл мировую премьеру в родном городе композитора Гамбурге в октябре прошлого года и буду исполнять это очень сильное сочинение в разных странах. А концерт Мясковского, представьте себе, очень популярен в Англии: я исполнял его там уже много раз, записал на компакт-диск. Вам почудились интонации Элгара? Да, пожалуй, вы правы – "русский Элгар".

Беседу вел
Аркадий ПЕТРОВ